

УДК 821.161.1

**МОТИВЫ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ
В РОМАНЕ Ю. В. БУЙДЫ «ВОР, ШПИОН И УБИЙЦА»**© **Колмакова Оксана Анатольевна**

доктор филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: post-oxygen@mail.ru

В статье исследуется интерпретация мотивов евангельской притчи о возвращении блудного сына в романе «Вор, шпион и убийца» современного русского писателя Ю. В. Буйды. Релевантность анализа обусловлена проблематикой произведения, в котором сюжетобразующей является коллизия «сын – отец», реализуемая посредством мотивов ухода, возвращения, прощения, любви. Анализ романа Буйды позволяет говорить об особых диалогических отношениях современного художественного сознания с текстом евангельской притчи. В целом в обращении к сюжету притчи о блудном сыне писатель моделирует известное решение конфликта поколений, актуализирует глубинные сакральные смыслы, а также реализует индивидуальные авторские метафоры обретения собственной идентичности.

Ключевые слова: Ю. В. Буйда; современная русская проза; притча о блудном сыне; сюжет; мотив.

Сюжет притчи о блудном сыне неоднократно становился предметом художественного осмысления. По наблюдениям В. И. Тюпы и Е. К. Ромодановской, «во множестве произведений мировой литературы мы встречаемся как с сюжетом блудного сына, явно или (чаще) не явно, воспроизводящим событийную канву притчи из Евангелия от Луки, так и с мотивом блудного сына, актуализирующим ту же притчу в читательском сознании без воспроизведения ее сюжета в тексте» [8, с. 5]. Среди текстов русской классики, аллюзивно воспроизводящих мотивы этой евангельской притчи, можно назвать такие произведения, как «Станционный смотритель» А. С. Пушкина, «Гарас Бульба» Н. В. Гоголя, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Сюжет о блудном сыне, который, по мысли А. В. Чернова, «изначален и определяющ» для всей мировой литературы [9, с. 152], оказывается востребованным и в современной русской прозе. Элементы этого сюжета обнаруживаются в таких произведениях, как «Лаз» В. С. Маканина, «Всех ожидает одна ночь» М. П. Шишкина, «Чапаев и Пустота» В. О. Пелевина, «Блуждающее время» Ю. В. Мамлеева, «Pasternak» М. Ю. Елизарова, «Светопреставление» И. Ю. Клеха, «Дом близнецов» А. В. Королева, «Вор, шпион и убийца» Ю. В. Буйды и других.

В каноническом тексте притчи транслируются основные идеи христианского вероучения: искушение плоти ведет к духовной гибели, смирение гордыни и покаяние возвращают к Богу, любовь Бога безгранична. Утверждается смысл человеческого существования, состоящий в восстановлении прерванной связи с Богом. Данные смыслы притчи, безусловно, важны для христианского прочтения литературы, в центре которого находятся всегда актуальные идеи любви и спасения. Однако продуктивность сюжета о блудном сыне связана, на наш взгляд, с

его мотивным комплексом, включающим такие мотивы, как взаимоотношение «отцов» и «детей» и выбор человеком своей дальнейшей судьбы.

В структуре сюжета притчи Ю. В. Шатин выделил следующие элементы: «требование младшего сына о разделе имущества – раздел – уход сына из дома – распутная жизнь – разорение и голод – работа свинопасом – просьба к отцу принять его наемником – возвращение – радость отца – пир – ропот старшего сына – мораль: “надо было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся”» [10, с. 36–37]. Изучение культурологических и богословских трактовок притчи о блудном сыне выявляет такие пары коррелирующих мотивов, как «греховность (сына) – чистота (отца)», «родина (отчий дом) – чужбина», «уход – возвращение», «раскаяние – прощение» [3; 4; 5; 7]. Перечисленные мотивы и/или их модификации обнаруживаются в автобиографическом романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» (2013).

Сюжет обретения героем-рассказчиком своей писательской и человеческой идентичности развивается на фоне непростых взаимоотношений с отцом. Герой Буйды не отрекается от отца, однако между ними всегда существует дистанция. В провинциальном Знаменске заместитель директора бумажной фабрики – «большой человек», которого даже собственный сын воспринимает на некотором расстоянии. Сдержанный и немногословный, отец долгие годы остается чужим для сына: «...я не понимаю своего отца», – признается герой [1, с. 52]. В его сознании запечатлен эпизод с глиняной свистулькой, которую он выменял на складной нож, по сути, украденный у отца, за что тот «отлупил» сына ремнем, а свистульку разбил вдребезги.

Однако с образом отца и города детства у героя связаны светлые воспоминания и самое яркое из них – чудесное видение «Града Небесного», случившееся в день «демонстрации трудящихся»: «...увидел я город на высокой золотой горе, столбашенный город великий и белый, и над его башнями и куполами ослепительно вспыхнуло солнце, и этот бессмертный свет проник в мою душу и поразила ее навсегда» [1, с. 15]. Мотив света в данном эпизоде обладает христианской символикой чистоты, радости, святости. Мотив священного света появится в романе вновь, когда герой прикоснется к подлинной культуре. Откровением для него станут строки Е. А. Боратынского «Но иногда, мечтой воспламененный, // Он видит свет, другим не откровенный», строки, которые вызовут у юного героя слезы катарсиса: «Как хорошо и светло было мне плакать! Как отчаянно и светло, о Господи!» [1, с. 96].

Сюжет о блудном сыне у Буйды подвергается инверсии, отвечающей игровым установкам постмодернистского романа. Если евангельский герой уходит из дома отца в мир греха, то герой Буйды погружен в грех с самого своего рождения. Он становится частью реальности, пропитанной грехом человеческого падения и порока. Типичные обитатели Знаменска – *паице*: алкоголики, сумасшедшие, воры, падшие женщины. Уход героя из отчего дома – это попытка ухода от греха. Однако уход от «профанной» реальности низких человеческих отношений ввергает героя в пространство подлинного зла, персонифицированного в образе тоталитарного государства с его атмосферой всеобщего страха и лжи. Еще в родном городе герой познакомился с изнанкой жизни – пьянством, невежеством, развратом, однако работая корреспондентом в районной газете, в своих

репортажах он лжет, изображая «счастливых советских тружеников», «зовущих к новым свершениям». При этом замечает: «Память любого районного газетчика переполнена тьмой» [1, с. 198]. Этой «тьме» противопоставлен «свет», проникший когда-то в детскую душу героя, свет, который позволит ему возродиться.

Ю. Буйда настаивает, что из всех «смертных грехов» грех плоти – меньшее из зол. Ведь плотский грех открывает человеку его немощь, умаляет его, делая ближе к Богу. Размышляя о *паице* «Лисе», герой-рассказчик убеждается, что «иногда горячее человеческое “наизнанку” ближе к правде божьей, чем правота тех, кто не способен любить» [1, с. 215]. Недаром в другом своем романе «Синяя кровь» (2011) Юрий Буйда изображает, как такие вот *паице* объединились в Первый красногвардейский батальон имени Иисуса Христа Назаретянина и сражались в нем «не за коммунизм, не за свободу, а за Царствие Божие» [2, с. 82].

Герою романа «Вор, шпион и убийца», как и самому автору, страшен не плотский грех, а грех лжи. Воплощением греховности героя становится написанная им «повесть о колхозной деревне», которую с восторгом приняли к публикации. Герой вспоминает, что в тот момент он был «доволен собой», «упивался собой», но спустя некоторое время почувствовал, как начала разрушаться его душа: «Не знаю, как на самом деле выглядят врата ада, но они распахнулись предо мной <...> и я увидел среди адского пламени – себя над рукописью, над этими пустыми словами, над этой пустой и лживой жизнью» [1, с. 258]. Уничтожив повесть, герой спасает свой талант художника и свою душу от нравственной коррозии. В это время ему вспоминаются отцовские слова о подлинных сокровищах человеческой жизни, *лиардах* – такое название придумал им герой в детстве. Этими *лиардами* стали для него произведения художественной классики – сначала чужие, потом – свои. Понятное дело, «колхозная повесть» к *лиардам* не имела никакого отношения.

Нужно отметить, что в своем романе Ю. Буйда обращается к глубинному, христианскому смыслу притчи о блудном сыне, состоящему, как известно, в раскрытии взаимоотношений человека и Бога-отца. Поэтому в тексте образ отца проецируется на образ Бога-отца. Отец героя идеализирован: он умный, порядочный, волевой, мужественный. В совокупности эти черты апеллируют к евангельскому «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48). Отцу героя присущи «классические» качества Бога. Он спасает (цыганенка-вора – от смерти, а избивавших его мужиков – от тюрьмы), учит сына видеть «ось мира» в «человеке, грызущем семечки» и вообще – центрирует собой весь романский мир (лексема «отец» – одна из самых частотных в тексте).

Все, что попадает в сферу влияния отца, идеализируется, порой не без ошутимой иронии. Карта железных дорог СССР, над которой склонился отец, в глазах сына становится «планом мироздания». Когда отец рассказывает сыну о знаменитой Семилетней войне с Пруссией, о боях, проходивших в пригородных лесах Знаменска (бывшего прусского Велау), о русской армии, сражавшейся «по колено в крови» и о «паническом бегстве пруссаков», начинается гроза. «Я не трогался с места, замороженный этой историей, которую отец рассказывал (кричал, раздувая горло) под гром, молнии и проливной дождь. Он стоял прямо, не обращая внимания ни на молнии, полыхавшие у него над головой, ни на хлеставший по плечам дождь» [1, с. 77]. В приведенном эпизоде обыграны строки из

Псалтири: «От блистания перед Ним бежали облака Его, град и угли огненные. Возгремел на небесах Господь <...> Пустил множество молний, и рассыпал их <...> И явились источники вод <...> от грозного гласа Твоего, Господи» (Пс 17:13-16).

На протяжении всего романа герой-рассказчик не раз восхищается своим отцом, но их взаимоотношения лишены самого главного – любви. Дефицит любви остро ощущается героем, недаром он часто насвистывает песенку Веселой Гертруды, сумасшедшей немки – отрывок из оды Ф. Шиллера «К радости»: «Обнимитесь, миллионы, в поцелуе слейся, свет, братья, над шатром планет есть отец, к сынам склоненный!». В детстве герой вместе с другими мальчишками дразнил Веселую Гертроду. Пытаясь усюветить жестоких детей, учительница переводит им песенку. Атеистическое сознание советской учительницы трактует строки Шиллера с позиций гуманистических идей всеобщего равенства и братства. Повзрослевший герой постигает иной, христианский смысл песенки Гертруды: Бог есть любовь, по которой томится душа современного человека, живущего в богооставленном мире.

На наш взгляд, в сознании героя образ отца как проекции Бога-отца «эволюционирует» от ветхозаветного понимания к новозаветному. Дистанция между героем и его отцом в романе отсылает к Ветхому завету, в котором слово «отец» было синонимом таких понятий, как «суровый господин», «покровитель». В книге пророка Малахии читаем: «Сын чтит отца и раб – господина своего» (Мал 1:6). В Новом завете явлены иные отношения между человеком и Богом, сыном и отцом, основанные на полном взаимопонимании и любви: «и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына» (Мф 11:27).

К сожалению, герой Буйды приходит к своему отцу только после его смерти. Среди самых дорогих вещей отца он находит своего глиняного петушка-свистульку, расколотого, но тщательно склеенного отцом. Держа игрушку в руках, герой испытывает «чувство покоя и тихой, ясной радости», божественной радости, воспетой Шиллером, радости единения с отцом: «...радость поднимает над <...> непониманием, которым мы оба мучились всю жизнь, боясь произнести вслух слова “счастье” или “любовь”» [1, с. 315]. Слова не были произнесены, но они написаны, и это превращает роман-автобиографию в исповедь. На возрождение, духовное воскрешение героя указывает финальная фраза романа. Слова «”Значит, жив”, – сказал бы отец» напрямую отсылают к евангельской притче: «...сын мой был мертв и ожил» (Лк 15:24). Через единение с отцом наступает единение с Богом в его ипостаси Творца – таковым ощущает себя герой, создавший свои первые собственные *лиарды* – несколько рассказов, среди которых одним из самых дорогих был рассказ «Веселая Гертруда».

Если евангельский блудный сын, придя к отцу, возвращает свое человеческое достоинство, то герой Ю. Буйды, обретя отца, восстанавливает свою целостность. Как отмечает П. С. Гуревич: «Целостность человека <...> – это некий идеал, движущий мотив порыва к бытию» [3, с. 145]. Для героя романа обретение целостности, *Der Ganze*, означает преодоление внутреннего разлада и обретение себя – как человека и как писателя. Ю. Буйда показывает, что сохранение самоидентичности человека невозможно, если в глубине его экзистенции нет стремления к целостности как части вечности и вневременных смыслов. Таким

образом, в автобиографическом романе «Вор, шпион и убийца» обращение к отдельным мотивам притчи о блудном сыне позволило соединить возможности личностной и сверхличностной памяти автора.

Итак, вариант сюжета притчи о блудном сыне, реализуемый в современном в романе «Вор, шпион и убийца» Ю. Буйды, эксплицирует смыслы, присутствующие в евангельском тексте на «профанном» и глубинном уровнях. Десакрализованный смысл притчи можно свести к проблеме идеальных семейных отношений, по которым тоскует и которые стремится изобразить современный писатель. Глубинное, христианское, понимание притчи связано с идеей воскресения блудного сына как открытия им «нового человека» в себе. Автобиографический персонаж Ю. Буйды становится Творцом. Также евангельский мотив возвращения репрезентирует индивидуально-авторскую метафору восстановления *Der Ganze* – целостности.

Литература

1. Буйда Ю. Вор, шпион и убийца: роман. – Москва: Эксмо, 2014. – 320 с.
2. Буйда Ю. Синяя кровь. – Москва: Эксмо, 2014. – 288 с.
3. Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
5. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. Репр. изд. – Сергиев Посад: Изд-во Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1999. – 767 с.
6. Гуревич П. С. Проблема целостности человека: монография. – Москва: Ин-т философии РАН, 2004. – 178 с.
7. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 694 с.
8. Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. – Новосибирск, 1996. – С. 3–15.
9. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 151–158.
10. Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа. – Новосибирск, 1996. – С. 29–41.

PRODIGAL SON MOTIVES IN “THIEF, SPY AND MURDERER”
NOVEL BY YURY BUYDA

Oksana A. Kolmakova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.

Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: post-oxygen@mail.ru

The article reviews the interpretation of the Parable of the Prodigal Son motives in the novel “Thief, spy and murderer” by the modern Russian writer Yury Buida. The relevance of the analysis is due to the novel's problematics, in which the son-father conflict is plot-generating, realized through the motives of care, return, forgiveness, and love. An analysis of the novel by Buida makes it possible to talk about the special dialogical relations of the modern artistic consciousness with the text of the Gospel parable. In general, in addressing the plot of the Parable of the Prodigal Son, the writer models a well-known solution to the conflict of generations, actualizes deep sacral meanings, and also implements individual author's metaphors of finding one's own identity.

Keywords: Yury Buida; modern Russian prose; the Parable of the Prodigal Son; plot; motive.